

Теоретические и политические сражения Арриго Черветто

V

Публикуем отрывок из предисловия к вышедшему из печати изданию избранных работ Арриго Черветто.

Ленинистская тактика в кризисе школы и профсоюзная тактика в отношении перспектив тренд-юнионизма уже дали в Генуе такие результаты, что это вызвало тревогу у ИКП, но когда в условиях кризиса реструктуризации оппортунизм выступил в поддержку политики жёсткой экономии, а ленинисты – защиты заработной платы, реакция оппортунизма стала яростной, в соответствии со сталинским сценарием клеветы и запугивания.

«В те годы я работал над тем, чтобы то, что было традицией для моего поколения, стало общим достоянием нового поколения. Необходимо было отбирать, дисциплинировать, объединять. Чтобы сделать это, нужно было навязывать себя. Стихийное движение студентов и рабочих, неспособное найти профсоюзный путь для решения кризиса нарушения равновесия в Италии, в 1974 году обратилось к крупнейшей оппортунистической и межклассовой организации, которая имела наиболее разветвлённое присутствие и наибольшее количество проверенных людей – ИКП. С 1974 по 1976 год, в течение трёх лет, тысячи ручейков пополняли реку ИКП. Тенденция к формированию двухпартийной системы в Италии, основанной на ХДП и ИКП, была сильной. На это делали ставку некоторые влиятельные группы, такие как FIAT. На это же рассчитывала и линия Картера – Бжезинского, которая изобрела так называемый “еврокоммунизм”, полагая, что у неё есть ещё одна карта, помимо китайской, которую можно разыграть в отношениях с СССР.

Я опасался, что новое поколение, собравшееся вокруг нашей организации, не имело достаточного опыта, чтобы противостоять операции по накачиванию численности ИКП, проводимой влиятельными финансовыми группами и пропагандируемой основными органами прессы и еженедельниками, которые читала молодёжная аудитория. Наиболее обсуждаемыми темами были обновление, молодёжное движение, эманципация женщин – которые отражали изменения, произошедшие за двадцать лет бурного экономического развития в социальном составе, доходах, потреблении, демографическом составе итальянской империалистической метрополии. Огромная масса выпускников вузов – детей рабочих, служащих, крестьян, мелкой буржуазии – чрезмерно раздувала государственную бюрократию. Число учителей достигло почти миллиона. ИКП предоставляла идеологию, необходимую для оправдания стремительного роста социального паразитизма и [...] придания ему флёра “прогрессизма”. Кампания за право на развод была наиболее ярким примером проводимой операции и доказательством новой социал-империалистической идеологии, которая заражала предыдущие идеологии, подхалимски соглашаясь с паразитическими потребностями нового интеллектуального поколения, воспитанного расширением доли Италии в распределении мировой прибавочной стоимости. Присоединиться к этой тенденции в духе троцкистского “посредничества” стало бы самоубийством. Противостоять ей, чтобы сохранить возможность интернационалистических действий в будущем, означало рисковать политической и даже физической ликвидацией. Внедрять, даже в зародышевом состоянии, чуждый фактор, такой как организация большевистского типа, в условиях сильных социал-империалистических тенденций означало провоцировать отторжение.

Но другого выхода не было. Я провёл целые годы, изучая провал троцкизма и анархизма в 1930-е годы, в Испанской войне, во второй империалистической мировой войне. Я тщательно изучил, как контрреволюция политически и физически уничтожила любую попытку восстановления революционной традиции. Я тщательно проанализировал все ошибки Троцкого, ПОУМ, CNT, коммунистов-диссидентов в Италии. Опросил десятки участников, чтобы по-настоящему понять происходившее, и поэтому никогда не доверял только письменным источникам. Когда в 1950 году я достиг соглашения с Пьером Карло Мазини, у меня уже были совершенно ясные представления на этот счёт, потому что в течение пяти лет я не занимался ничем иным, кроме как уточнением этих представлений. Я был полон решимости не останавливаться там, где отступил Бордига. Я прекрасно понимал, что значит создать организацию, пусть даже небольшую, ленинистского типа после десятилетий оппортунистического господства. Онорато Дамен сказал мне, что я “делаю

шаг длиннее собственной ноги”¹. Я не ответил ему, потому что отвечать было бесполезно. Оставалось только действовать и рисковать. Как всегда, рискуешь, когда действуешь. В 1957 году я думал, что до того, как в Италии укрепится прочный социал-империализм, есть возможность использовать пару десятилетий для построения революционной партии. Если бы не удалось воспользоваться этой возможностью, то шансы на её появление в будущем были бы утрачены на неопределённое время. Когда в конце 60-х годов появились студенческие и профсоюзные движения, я подумал, что под прикрытием этих путаных движений можно было бы создать ленинистскую партию, не будучи полностью изолированным и обречённым на уничтожение.

Но когда эти движения утратили всякий намёк на прежний путаный максимализм и оказались поглощены ИКП, попытка внедрить ленинизм в Италии оказалась в изоляции. Оппортунизм, прямо и косвенно подстрекая разномастные группы, пытался уничтожить нас тысячами способов: с помощью клеветнических кампаний, физических нападений, различного давления. Нападение было жестоким и продолжалось несколько лет, но новое поколение выдержало испытание».

Как мы отмечали в третьем томе истории *Lotta Comunista*, «в некотором смысле миланское сражение было более ожесточённым, более яростным и более продолжительным, чем в Генуе, но именно Генуя уже показала путь глубокой работы в пролетариате»; в самый разгар кампании нападок «практически ни одна буржуазная газета не осталась в стороне от хора клеветы»; после десятилетий контрреволюции «не хотели принять, что пролетариат нашёл в большевистской организации силу, способную восстановить коммунизм и интернационализм». Поэтому исход этих двух сражений определил все последующие десятилетия: «Клеветники и агрессоры исчезли, ИКП была сметена крахом государственного капитализма. *Lotta Comunista* укоренила большевистскую модель в итальянской метрополии и, следовательно, в Европе. Коммунизм и интернационализм имеют свою опору в классе».

Оценка Черветто того определяющего момента фактически является заключением “Тетрадей” его политических мемуаров: «Это был самый важный результат в моей жизни – и как революционера, и как человека, потому что это был коллективный результат. Я многому научился в те годы ожесточённой борьбы, научился у всей организации, у каждого, даже самого скромного милитанта, и как никогда раньше почувствовал себя простым бойцом, как многие другие, защищавшие организацию и испытывавшие гордость и страсть к борьбе, которую история движения когда-нибудь будет праздновать. Я хотел быть с ними, потому что чувствовал себя одним из них, потому что это были товарищи, которых я ценил больше всего, потому что я родился политически именно на передовой, где нужно было рисковать больше всего. Это был мой шаг, и это была моя нога. Пока я смогу двигаться, они всегда будут такими. Бесполезно иметь ноги, если иногда не пытаешься сделать более широкий шаг».

Туринское сражение несколько лет спустя стало следствием европейской реструктуризации в узком смысле этого слова. Создание ЕВС, Европейской валютной системы, лишило итальянские группы возможности прибегать к конкурентной девальвации лиры; FIAT в последний раз попыталась пойти по этому пути, но натолкнулась на отказ Карло Адзельо Чампи, нового управляющего Банка Италии; в истории «35 дней» для FIAT, ИКП и профсоюзы оказались в ловушке максималистской гонки, не осознавая реального соотношения сил в реструктуризации и необходимости организовать «упорядоченное отступление» класса.

Укоренение партий в Турине пережило важный момент своего становления, но этот перевод “Что делать?” в практическое русло стал уроком для всей организации. На уровне анализа было систематизировано изучение крупных групп и реструктуризации; на теоретическом уровне именно линия Чампи позволила углубить понятие монетарной власти.

Интернационалистское сражение относительно “нового противостояния”

После итогов, подведённых Черветто в “Тетрадях”, произошли ещё три сражения. Первое касалось отношений между державами. В январе 1980 года началось вторжение СССР в Афганистан; в августе в Польше начались забастовки, которые в следующем году привели генерала Ярузельского к введению военного положения; в сентябре начался конфликт между Ираном и Ираком.

Это было новое противостояние – фаза конфликтов, в ходе которой великие державы проверяли соотношение сил, изменившееся в результате десятилетий неравномерного развития и кризиса реструктуризации. Наряду с интернационалистской политической инициативой, новая ситуация требовала систематизации и развития марксистской теории международных отношений; предисловие к “Унитарному империализму”, многие размышления в начале “Всемирного противостояния” и работа “Трудный вопрос времени” представляют собой теоретическую сторону этого сражения.

Так, в реконструкции истории партии мы пишем: «*Политическое сражение партии велось на нескольких фронтах. Одним из них был интернационалистский фронт – с осуждением русского империализма и солидарностью с польским пролетариатом, борющимся против государственного капитализма. Новая ситуация требовала адекватных теоретических и аналитических инструментов, другим фронтом было изучение и уточнение марксистской теории международных отношений. Подводя итоги 70-х годов, которые были его “плодотворным десятилетием” в плане разработки теории, Черветто воспользовался случаем, чтобы уточнить, доработать и исправить то, что того требовало: политический анализ нуждался в диалектической науке, историю и социальную психологию нужно было изучать глубоко, чтобы понять взаимосвязь между экономическим базисом и его политическими отражениями. В политическом руководстве партии речь шла о том, чтобы дать инструменты второму поколению, которое было готово взять на себя большую ответственности в руководстве и разработке. Таков был внутренний фронт политического сражения “нового противостояния”, 1980-е годы стали испытанием для второго поколения милитантов.*

Социальные изменения 1980-х годов

Второе сражение касалось социальной реструктуризации 1980-х годов и распространения в Италии – в классах и в слоях классов – черт поздней зрелости империалистического общества. Если вдуматься, эти социальные условия представляли собой итог американской канвы развития Италии, сложившейся в 1960-х годах, в сочетании с последствиями реструктуризации 1970-х. Опять же процитируем отрывок из обзора истории партии: «*Совокупные последствия изменений были многообразными, в соответствии с поистине “биологическим” процессом социальной трансформации. “Семья с несколькими источниками дохода”, в которой суммировались несколько заработков и состояний, стала новой формой рабочей аристократии. На фоне усиливающегося демографического спада “социальная подвижность” означала, что вполне занятости в сфере обслуживания и бюрократии, в так называемом “третичном секторе”, соответствовала растущая доля иммигрантов, занятых самым неблагодарным трудом на самой низкой ступени шкалы заработной платы. Понимание природы этого изменения было жизненно важным вопросом для партии: только благодаря научному пониманию его противоречий можно было действительно укоренить “большевистскую модель” в зрелой империалистической итальянской метрополии.*

Речь шла о борьбе с новыми идеологическими формами собственнического индивидуализма, прогрессизма и субъективизма, порождёнными новыми социальными слоями, осознавая “мелкобуржуазный дух”, который проникал в класс этими путями. Но речь шла также об использовании возможностей для обращения к новым слоям – “техникам-производителям” и к рабочей силе, формирующейся в системе высшего и университетского образования, посредством организованного систематического воздействия на новые поколения.

Восьмидесятые годы были для партии годами теоретического, политического и организационного сражения в условиях перемен. Они остались некоторые действительно важные теоретические завоевания: понятие “семьи с несколькими источниками доходов” как специфической формы буржуазной семьи в период зрелого империализма; “закон народонаселения”, согласно которому в зрелых метрополиях наблюдается тенденция к снижению численности населения, что влечёт за собой необходимость замещения дефицита рабочей силы иммигрантами; наконец, общие и совокупные черты этого изменения как “социальный признак” зрелости империализма. А нам остаётся окончательное испытание ленинистской организации в этих условиях».

Конец Ялты и вторжение Азии

Сражение 1980-х годов в условиях социальных изменений было последним большим сражением Черветто на поле укоренения ленинистской организации в условиях зрелого империализма. Загадка этой беспрецедентной задачи была решена.

«Потребовалось почти пятьдесят лет с момента появления “группы, стоявшей у истоков” и участие двух поколений революционных милитантов. Черветто заметил, что воспроизведение “вида партии” было настолько сложным процессом, что потребовалось более одного поколения, чтобы открыть и проверить политические формулы и подходящие методы. Преемственность первых двух поколений, поколения партизанской войны и поколения рабочей борьбы и студенческих волнений конца шестидесятых годов, теперь позволяла рекруттировать третье поколение, в условиях полной империалистической зрелости.

Это было последнее испытание, которого ещё не хватало, – и таким образом “большевистская модель” обрела свои закономерности, свои политические законы ленинистской организации. Марксистская наука дала стратегию, политический анализ определил путь в серии политических сражений, но теперь партия-наука и партия-стратегия действительно стали полностью партией-планом, потому что методы и дозировка организационной борьбы обеспечили преемственность в новом поколении и повторяемость этой связи для будущих поколений».

Организованная система работы по укоренению среди молодёжи и «техников-производителей» демонстрировала закономерность связи с каждым новым поколением и «замыкала круг с 1975 годом и сражениями в Генуе и Милане, когда на поле боя было побеждено состояние “маленькой группы”, подверженной риску маргинализации».

Последнее сражение Черветто провёл между 1989 и 1995 годами, годом своей смерти: это были годы распада СССР и воссоединение Германии, а также войны на Балканах и первой войны в Персидском заливе в 1991 году, которые вместе составили «стратегический водораздел» – с последствиями, сопоставимыми с мировой войной.

Ещё один отрывок из истории партии: «С точки зрения марксистской науки и политической борьбы партии, этот водораздел подверг испытанию и подтвердил научную основу разработок Арриго Черветто по крайней мере на трёх уровнях: анализ государственного капитализма в СССР, анализ мирового рынка и длительного цикла развития, предвиденного “Тезисами” 1957 года, конкретный анализ международных отношений и баланса сил между государствами, с которым были связаны как раздел Ялты, так и его распад. [...] Последствия мировой войны без открытого военного конфликта требовали тщательного анализа со стороны марксистской теории; частичные войны и кризисы, которые в результате этого всё же произошли, были в центре интернационалистского сражения. И не только это: следствием этого стратегического водораздела в Азии стал новый импульс к открытости со стороны Китая, который теперь, после распада СССР, мог более свободно обращаться к мировым рынкам; готовился перенос мирового центра тяжести из бассейна Атлантического океана в бассейн Тихого океана, сопоставимый только с переходом эпохи XVI века».

Двадцать сражений и двадцать первое

В феврале 1995 года Арриго Черветто скончался после более чем полувековой борьбы, с открытыми книгами и ручкой в руке, работая над своей последней работой “Миф о среднем классе в Азии”. Двадцать сражений и начало двадцать первого, потому что вторжение Китая было предпосылкой новой стратегической фазы: ею должен был завершиться цикл прогнозов “Тезисов” 1957 года, так как в Азии должен был возникнуть новый империалистический гигант, способный бросить вызов державам старого порядка.

“ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ”

“Классовая борьба и революционная партия” появилась в 1964 году в виде серии статей, собранных в один том в 1966 году. Черветто задумывал её как «базовый текст для ленинистского течения в Италии», эквивалент “Что делать?” для итальянской метрополии, и исходил из ленинского прочтения “Капитала” Карла Маркса, стремясь найти в нём основание большевистской концепции партии. «Думаю, что являюсь первым марксистом, который даёт такую интерпретацию ленинистской партии», – напишет он Лоренцо

Пароди, – «и устанавливает настолько органическую связь между “Капиталом” и “Что делать?”»².

В путанице собственных противоречий капиталистическое развитие с регулярностью естественного закона ведёт к тому, что его экономическая общественная формация приобретает всеобщий характер. Это приводит в движение классовую борьбу и экономическую борьбу рабочих, которую организованная деятельность партий должна возвысить до уровня политического сознания отношений со всеми социальными фигурами и с государством. Эта же динамика развития, наряду с классами, движет державами и их системой государств в мировом масштабе, и это является основой революционной стратегии.

Классовая борьба, баланс сил между государствами и динамика неравномерного развития, которая движет и преобразует и то, и другое: различные условия этого процесса постепенно выдвинули на первый план три разных главы книги *“Классовая борьба и революционная партия”*. Здесь мы лишь укажем на это, а развёрнутое объяснение можно найти в предисловиях к пятому и шестому изданиям.

На пике экономического чуда, в соответствии с американской канвой развития, борьба за повышение заработной платы и сражение за перспективы тред-юнионизма сделали акцент на второй главе – политическом сознании, привнесённом извне в экономическую борьбу.

В 1980-е годы, с социальными преобразованиями империалистической зрелости, внимание должно было быть сосредоточено на «общей теории» первой главы и на понятии *общественной экономической формации* во всей сложности её взаимосвязей. Борьба за социальные изменения могла обращаться к новым слоям «техников-производителей» и на рабочую силу, получающую образование в высших учебных заведениях и университетах, – связывая партию-стратегию с новым поколением, но лишь при осознании того, что всякое условие *общественной экономической формации*, даже в поздней зрелости империализма, пронизано противоречиями, которые могут быть уловлены классовой партией.

С распадом СССР и стратегическим водоразделом 1989–1991 годов, с вторжением Азии и Китая, которые спровоцировали новую стратегическую fazu, и, наконец, с кризисом порядка, на первый план выходит третья глава о стратегии, а понятие сознания, привнесённого извне в экономическую борьбу, расширяется до соперничества между державами и тысячи нитей, связывающих его с положением классов.

Книга *“Трудный вопрос времени”* составлена из статей периода 1981–1984 годов и опубликована в 1990 году. Изначально она должна была стать частью *“Унитарного империализма”*, теоретическим введением к тридцати годам анализа международных отношений, однако в рамках теоретической линии *империалистического развития* книга может считаться завершением третьей главы текста о партии – той, в которой речь идёт о стратегии, – и является продолжением *“Тезисов”* 1957 года.

Связь между этапами капиталистического развития, классовой борьбой и противостоянием между государствами всегда была основой стратегии, начиная с *“Манифеста Коммунистической партии”* Маркса и Энгельса и заканчивая Лениным. *Стратегическая несостоятельность* Льва Троцкого или *ликвидаторство* Амадео Бордиги в конечном счёте проистекают из ограниченности анализа империалистического развития и его неравномерного развертывания – будь то преувеличение стагнации цикла в 1930-е годы или представление о тотальном господстве американского миллиардоллара в послевоенный период. В 1950-е годы необходимо было восстановить связь со стратегической концепцией Ленина об империалистическом развитии, и это были *“Тезисы”* 1957 года.

Мысль, занимающая центральное место в *“Трудном вопросе времени”*, и сегодня является ориентиром для анализа *кризиса порядка*. Она направлена против *«механистических и недиалектических»* выводов, которые коммунистическое движение делало из кризиса после 1914 года. Ленин призывает к изучению *«противоречивого движения социальной реальности»*, восстанавливая мысль Маркса и Энгельса: *«Не бывает кризиса, который был бы необратимым, не бывает автоматического крушения капитализма. Концентрация, которая приводит к кризису, воссоздаёт вместе с тем же самым кризисом условия для возрождения мелкого производства и мелкого капитала. Империализм, который провоцирует войну и, следовательно, порождает кризис, одновременно способствует*

далнейшей экспансии капитализма в мире. Противоречия, порождаемые этим всемирным процессом, столь мощны и многочисленны, что они вызывают экономические и политические кризисы, могущие перерости в революцию при условии, что существует коммунистическая партия, способная её осуществить, и что трудящиеся массы объективно вовлечены в борьбу».

Как для Маркса и Энгельса, так и для Ленина «вопрос времени» не столько касался мирового рынка и судьбы капитализма, сколько был связан с оценкой количества и природы противоречий и субъективной способности, то есть способности его авангардной партии, использовать такие противоречия»³.

Подготовительные материалы для книги “Трудный вопрос времени” повторяли программу крупных партийных школ, которые в начале 70-х годов сформировали второе поколение Lotta Comunista. То же самое касается книг “Политическая оболочка” и “Метод и партия-наука”: наряду со стратегией Маркса и Энгельса и теорией Ленина об империализме, марксистская теория политики и государства и материалистический метод должны были быть в багаже идея каждого милитантa.

“Политическая оболочка” содержит редакционные статьи, опубликованные в период с 1977 по 1989 год. В этих текстах также прослеживается связь с важнейшими политическими сражениями: для Черветто книга была просто результатом «кризиса нарушения равновесия», то есть теоретической стороной размышлений о «несоответствии между экономическим развитием итальянского общества и его институтами и политическими формами».

И здесь движущей силой является прогрессирующее империалистическое развитие итальянской метрополии: «Мы считали, что растущее включение экономики в европейский рынок ускорит её развитие и усилит напряжение в ней. Общество двигалось в два раза быстрее по сравнению со старым, медленным обществом, тем не менее, спровоцировавшим политический кризис конца века, либеральный кризис и появление фашизма после первой мировой войны, кризис режима Муссолини двадцать лет спустя. В два раза быстрее вся политическая машина начинала демонстрировать признаки ослабления и износа»⁴.

Присоединяясь к европейскому рынку, крупные капиталистические группы нуждались в адекватном «империалистическом государстве»; с развитием этой ситуации нарушения равновесия было связано полдюжины политических сражений, от тактики в кризисе школы до тактики в профсоюзном движении, от сражений в Генуе, Милане и Турине в кризисе реструктуризации до сражений 1980-х годов, связанных с изменениями и новыми чертами империалистической зрелости.

(из вступительной заметки к “Теоретическим работам”)
Октябрь 2025 г.

¹ – Дословный перевод итальянского выражения *«fare il passo più lungo della gamba»*. Смысл фразы – “переоценить свои возможности”.

² – Черветто А. Классовая борьба и революционная партия. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2014. С. 19.

³ – Черветто А. Трудный вопрос времени. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2007. С. 109 (перевод исправлен).

⁴ – Черветто А. Политическая оболочка. СПб.: АНО «ЦМИ «Новый Прометей»», 2010. С. XX–XXI.